

Его называли белорусским Левитаном, достоинством республики. Он проработал на радио без малого 40 лет, и именно столько в эфире звучал его бархатистый виолончельный голос: «Гаворыць Мінск...» 26 мая мастеру исполняется 85 лет, но он и сейчас в строю: преподает сценическую речь в БГУКе и Белорусской академии искусств, работает литературным консультантом в Купаловском театре и РТБД. Он нужен, уважаем и востребован! Это ли не счастье? На прошлой неделе вышла книга его бывшей ученицы — поэта, писателя и драматурга Дельфины — «Золотой голос Беларуси — Илья Курган».

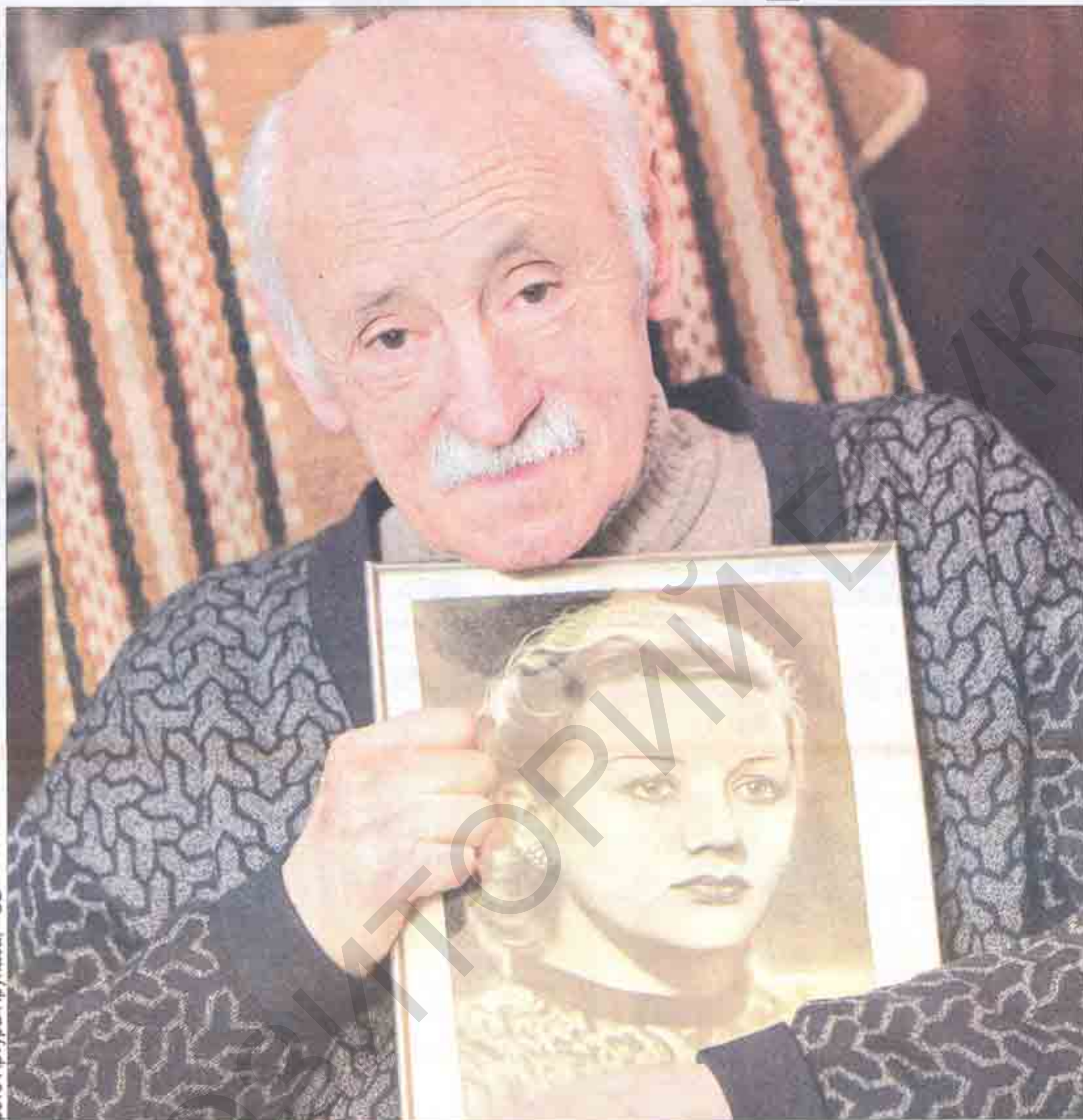
— Илья Львович, о вашем пути в профессию вы рассказывали неоднократно. А вот о детстве — редко и скупо. А ведь все мы «родом из детства»...

— Что ж, придется рассказать. Я родился 26 мая 1926 года в Борисове. Как первенца меня нарекли в честь деда Ильей. Как и все мальчишки, я, конечно же, участвовал в дворовых драках. Тогда это было очень распространено: дом на дом или улица на улицу. Зимой катались на санках с горки, которая находилась в нижней части улицы Маркса. И, разумеется, форсировали друг перед другом: когда мимо проезжала машина, везущая бревна, мы разогнались и старались проскочить под ней — аккурат между двумя парами колес. Наше домашнее хозяйство больше напоминало деревенское. Жили мы на втором этаже барака, находившегося на улице Красноармейской, однако в сарае держали кур и кабанчика. С кабанчиком однажды приключилась такая история. Уж не знаю, кто в этом оказался виноват — то ли я дал кабану что-то горячее, то ли он сам нахватался чего-то непотребного, да только расхворался наш кормилец. Мы с мамой решили везти его в ветеринарную лечебницу. А как везти? В общем, обвязали и на поводке потащили по улице. Но кабан оказался проворнее: как-то немалым образом он умудрился выпутаться из веревок и бросился бежать. Я кинулся за ним. Он — на проезжую часть, а там проходили трамвайные пути. Естественно, движение застыло. Кабан мечется, а я бегу за ним. Несколько раз почти догонял, но как его схватить? Он же весь «обтекаемый!» Наконец мне удалось упасть на него сверху и уцепиться за ухо. Он визжит, а я держу, не отпускаю. И так — пока не подросла мама. В общем, обуздали мы нашего путешественника. Правда, потом выяснилось, что я ему едва ухо не оторвал...

— А война вас где застала?

— Я хорошо запомнил, как в то самое утро — 22 июня — сидел на крыльце нашего дома и считал фашистские самолеты. Мама же почему-то драила полы... И только когда бомба ухнула в соседний огород, я наконец понял, что война — отнюдь не игра. Меня — уже по меркам тех лет взрослого — в бомбоубежище не пускали. И поэтому наша семья — родители и трое детей — подхватились и кто в чем был отправились за город, в лес. Несколько дней

Илья Курган: «Я не ощущаю себя стариком»

Любимую и единственную жену Ирину Илья Львович потерял более 30 лет назад...

спасались там. Когда же бомбежка прекратилась, вернулись и увидели, что от дома осталась лишь облицованная кафелем голландская печка. Стало ясно, что надо уходить, но мы ничего не знали о судьбе Даника — одного из моих братьев, которого накануне войны отправили вместе с детским садом на летнюю дачу в Фаниполь. Поначалу родители хотели во что бы то ни стало добраться до него, но как? Железную дорогу разбомбили, иной транспорт стал прямо-таки на вес золота. Да и

Даника в городе. Его, шестилетнего, вместе с теткой — родной сестрой матери — фашисты бросили в «душегубку». Там и закончился жизненный путь нашего маленького братика...

— Фамилия вашего отца Эйдельман. Раскройте секрет, как появился Илья Курган?

— Как-то осенью пятидесятого года, во время войны в Корее, я увидел возле роддома интересную стенку: под окном, у которого молодая мама держала на руках новорожденного малыша, стоял сча-

рил с отцом, с мамой, и они поняли меня. Не обиделись. Я оформил документы и с той поры стал именоваться Ильей Курганом. Но мало кто знает, что Курган — это девичья фамилия моей мамы Хаси Ароновны.

— В советские времена вы были в зените славы. Случалось ли вам сталкиваться с человеческой завистью?

— Однажды вызвали меня к председателю Гостелерадио. Я зашел, и он без долгих предисловий протянул мне письмо из ЦК. В бумажке черным по белому было написано, что товарищ Курган И.Л. беспременно пьет на рабочем месте и «спойвае сваіх падначаленых». Писал донос один из наших дикторов — некий К. (по вполне понятным причинам указывать его имя и фамилию я не стану). Едва лишь я понял, о чем идет речь, мне сразу же вспомнилось, как этого К. принимали на работу. На тот момент я уже занимал должность главного режиссера (художественного руководителя) дикторской группы, поэтому меня также пригласили прослушать пленки с записью проб кандидатов в дикторы. После прослушивания К. редакторы решили его взять — мол, с периферии, таких нужно поощрять. Мое мнение спросили напоследок. Я честно ответил: «Здесь — элементарная профнепригодность». Меня попросили с ним позани-

маться. «Скорректировать дикцию я, конечно, могу. Но изменить его голос — нет». Однако в ту пору меня никто не стал слушать, и его приняли в штат. А вскоре на имя нового сотрудника стали приходить такие письма, не реагировать на которые руководство радио просто не могло. Если мне писали с любовью и благодарностью, то о нем отзывались в лучшем случае так: «Кто такого допустил к микрофону?» Тогда я стал ставить К. на такие эфиры, которые не несли особой смысловой нагрузки, к примеру, читать объявления и так далее. И в скором времени после этого пришло то самое письмо. А следом приехал и «дядя» из ЦК. Меня вызвали на ковер. Надо признать, что руководство радио спасало меня как могло. В общем, отстояли. Поднимаюсь я после головной боли наверх — в студию — и нос к носу сталкиваюсь с К. Наверное, я был в таком состоянии, что обычная сдержанность изменила мне. Я схватил его за ладканы пиджака и принялся трясти: «Эх ты! Человек! Ведь я же тебя покрывал! А ты... Негодяй!» Женщины, сидевшие в студии, повскакивали со своих мест и принялись нас разнимать. К. покраснел и пулей вылетел за дверь. «Да ты что, Илья! — заговорили сотрудницы все разом. — Он же сейчас побежит и наклепает, что ты его бил!» «Пушай делает что хочет!» — в сердцах ответил я. Кстати, К. в скором времени все же уволили.

— Оглядываясь на пройденный путь, вы о чем-нибудь жалеете?

— Говорят, что в каждом возрасте есть своя прелесть. Не знаю. Когда я стою у прилавка книжного магазина, у меня нередко возникает мысль: «Зачем мне покупать еще одну книгу? Я же все равно не успею ее прочитать!» Наверное, с возрастом люди теряют свою яркость, сумасшедшинку, которая бывает только в молодости. И хотя я все еще не могу ощущать себя стариком, тоска стала одним из моих постоянных спутников. И больше всего я тоскую, конечно же, о детях и о внуках, которых судьба мне не дала. Как-то раз я ехал в автобусе на Северное кладбище — к жене. На одной из остановок вошла женщина с маленьким мальчиком на руках. Народу в салоне было просто битком, а я сидел у окна и, заметив ее, естественно, поднялся. «Нет, что вы! — запротестовала она. — Вы лучше возьмите его на руки». Я подхватил малыша и усадил к себе на колени. Ребенок есть ребенок — вертится, все ему интересно. И я начал его развлекать: «Вон за тем деревом лиса сидит! А за тем поворотом — лошадка, самая настоящая...» Он не просто смеялся — хохотал. Ерзал у меня на руках, подпрыгивал, что-то лепетал. Когда же автобус подкатил к остановке, на которой нам нужно было выходить, то он неожиданно прижался ко мне и расплакался. Он не желал покидать меня! И тут я вдруг поймал себя на мысли, что ведь и я тоже... Я тоже не хочу его отпускать!

■ Елена МИНЧУКОВА.

И больше всего я тоскую, конечно же, о детях и о внуках, которых судьба мне не дала.

директор успокоил, оповестив, что садик эвакуирован на восток. «Ну хорошо! — подумали тогда мы все. — Если на восток, следовательно, со временем найдется!» Кто мог предположить, что действительность окажется гораздо более трагичной: отступающая армия вернет детей в уже опустевший Минск. Только по окончании войны маме, которая все это время писала ночами письма по разным инстанциям в надежде отыскать следы своего среднего сына, кто-то расскажет, что в первый же год оккупации видел

стивый отец и жестами пытался высказать свою нежность к двум дорогим ему существам. Это выглядело настолько трогательно, что я не выдержал и написал статью «Пусть растут дети». Послал ее в газету «Советская Белоруссия», и она была принята к печати. А написал я свою работу фамилией Курган. Отсюда все и пошло. Через некоторое время меня пригласило руководство радио и предложило официально поменять фамилию: мол, звучит несколько нелепо — «диктор белорусского радио Илья Эйдельман!» Я погово-